

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 174–211

Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 174–211

DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-174-211

Придворная традиция Японии в «Собрании стародавних повестей»

Н. Н. Трубникова, М. С. Коляда

Аннотация

Среди памятников японской словесности эпохи Хэйан (794–1185) «Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари-сю*», 1120-е гг.) выделяется тем, что охватывает гораздо более широкий круг персонажей, чем исторические «зеркала», повести *моногатари*, ранние воинские сказания и даже другие сборники поучительных рассказов *сэцува*. Наряду с жителями столицы и монахами здесь во множестве появляются миряне-простолюдины почти из всех провинций страны. Но и придворная традиция Японии в «*Кондзяку*» представлена, причем не только в свитке, отведенном сановникам из рода Фудзивара (22-м), но и в других разделах. Ее можно проследить, сопоставляя «*Кондзяку*» с текстами придворного круга или же с более поздними сборниками *сэцува*, составители которых ведут речь в основном о жизни столичной знати и заимствуют отдельные рассказы из «*Кондзяку*».

Можно также исходить из упоминаний в рассказах терминов, обозначающих высшие государственные должности, и сравнивать контексты таких упоминаний. В статье опробованы оба эти подхода и показано, как придворные сюжеты, заимствованные из текстов «песенных повестей» *ута-моногатари*, перерабатываются и становятся частью традиции *сэцува*, в которой продолжают существовать, получая различные интерпретации в разных собраниях; проанализированы рассказы, общие для «*Кондзяку*» и «*Сборника наставлений в десяти разделах*» («*Дзиккинсё*», XIII в). Сановники в «*Кондзяку*» появляются в самых разных обстоятельствах и ролях, проявляют разнообразные чувства, демонстрируют всевозможные таланты. Действуют в сборнике и придворные дамы, начиная с самих государынь; их жизнь бывает описана как в стиле утонченной придворной прозы, так и в более грубых подробностях. Японская придворная традиция сопоставляется с индийской и китайской – какими они представляются составителю по знакомым ему текстам. В приложении к статье публикуются переводы рассказов из «Собрания стародавних повестей», посвященных жизни хэйанского двора.

Ключевые слова: поучительные рассказы *сэцува*, «Собрание стародавних повестей», «*Кондзяку моногатари сю:*», Хэйан, придворная культура, аристократы, государины, сановники.

Авторы

Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности: 129110, Москва, Проспект Мира, д. 70А, стр. 2, оф. 41.

E-mail: trubnikovann@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6784-1793

Коляда Мария Сергеевна, кандидат философских наук, научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности: 129110, Москва, Проспект Мира, д. 70А, стр. 2, оф. 41.

E-mail: kolyada-ms@y360.ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-9613-9714

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в Институте логики, когнитологии и развития личности в рамках проекта «Традиция и способы ее освоения в японской религиозно-философской мысли IX–XII вв.: по “Собранию стародавних повестей”» (РНФ, проект № 22-28-01384).

The Court Tradition of Japan in *Konjaku Monogatari*shū

N. N. Trubnikova, M. S. Kolyada

Abstract

Among the literary works of the Heian era (late 8th – 12th centuries), *Tales of Times Now Past* (*Konjaku Monogatari*shū, 1120s) is notable for covering a much broader range of characters than *kagami* historical texts, *monogatari* tales, early *gunki-monogatari*, and even other compilations of *setsuwa* didactic tales. Among the characters, there are numerous laypersons from nearly all provinces of Japan, along with residents of the capital and monks. But Japanese court tradition is represented in *Konjaku* as well, and not only in Chapter 22, which is devoted to

officials of the Fujiwara clan. This tradition can be investigated by comparing *Konjaku* with texts of the court literature or later *setsuwa* collections, compilers of which focus on life of the capital aristocracy and include in their works some tales from *Konjaku*. It is also possible to make a study based on the examination of terms used for the highest state offices and contexts of such terms' appearance. In this article, we tried to employ both approaches and showed how court stories, adopted from *uta-monogatari* poem-tales, were transformed and turned into a part of the *setsuwa* tradition, in which they continue to exist and receive various interpretations in various collections. For instance, we analyzed some tales which are common for *Konjaku* and *Jikkinshō* (*Collected Admonitions in Ten Sections*, 13th century). Dignitaries in *Konjaku* make their appearance in a great variety of situations, demonstrate multifarious emotions and possess different talents. Ladies of the court – starting with empresses – also act in this *setsuwa* collection. Their life may be described in the tales in the manner of refined court prose – or in a much ruder style. The court tradition of Japan itself is compared with the Indian and Chinese ones – as the compiler imagined them. Some tales from *Konjaku monogatari-shū* in Russian translation are placed in the annex to this article.

Keywords: *setsuwa* didactic tales, *Tales of Times Now Past*, *Konjaku Monogatari shū*, Heian, court culture, aristocracy, empresses, dignitaries.

Authors

Trubnikova Nadezhda Nikolaevna. Doctor of Sciences (Philosophy), researcher, Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality: Office 41, Bd. 2, 70A, Mira Av., Moscow, Russian Federation, 129110.

E-mail: trubnikovann@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6784-1793

Kolyada Maria Sergeevna. Candidate of Sciences (Philosophy), researcher, Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality: Office 41, Bd. 2, 70A, Mira Av., Moscow, Russian Federation, 129110.

E-mail: kolyada-ms@y360.ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-9613-9714

Conflict of interests

The authors declare the absence of the conflict of interests.

The research is accomplished under the Russian Science Foundation in the Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality, within the project “Tradition and Methods of Its Development in Japanese Religious And Philosophical Thought of the 9th–12th Centuries: According to the “*Konjaku monogatari-shū*” (RSF, project № 22-28-01384).

Введение

Наша статья – часть исследования, в котором мы стараемся проследить, как в самом крупном памятнике традиции японских поучительных рассказов *сэцува*, «Собрании стародавних повестей» (далее – «*Кондзяку*»), соединяются разные традиции японской мысли. И если с такими традициями, как почитание «Лotosовой сутры» или даосские поиски бессмертия, дело обстоит сравнительно просто – они представлены в Японии текстами разных жанров, но каждый из этих рядов текстов объединен общими источниками, общим набором понятий, общими действующими лицами, – то постановка вопроса о придворной традиции требует пояснения. Речь идет о той традиции, что составила славу эпохи Хэйан как классического века японской культуры. Это традиция государева двора, сохраненная в мужских и женских дневниках, «Записках у изголовья» («*Макура-но со:си*»), «Великом зеркале» («*Оокагами*»), «Повести о расцвете» («*Эйга-моногатари*»); традиция, отраженная в «песенных повестях» *ута-моногатари*, в «Повести о Гэндзи» («*Гэндзи-моногатари*») и других «сочиненных повестях» *цукүри-моногатари*. Далее она поддерживается множеством сочинений, написанных в пору, когда этот двор уже не существовал. В жанре сборников поучительных рассказов *сэцува* хэйанская придворная традиция представлена, например, в «Записках бесед Ооэ[-но Масафусы]» («*Годансё:*», 1107 г.) или в ретроспективном камакурском «Сборнике наставлений в десяти разделах» («*Дзиккинсё:*», 1252 г.). Но «*Кондзяку*» как раз этой традиции противопоставляется: когда «Стародавние повести» в XIX в. были включены в круг японской литературной классики, делалось это во многом затем, чтобы уравновесить знаменитые хэйанские тексты хотя бы одним крупным сочинением, где столичные аристократы не составляют большинства героев [Трубникова, Бабкова 2018]. И коль скоро традиция историй о государях и государынях, сановниках, придворных кавалерах и дамах в «*Кондзяку*» ограничена другими – традициями монашеских, воинских, разбойничьих и прочих историй, – значит, можно предположить, что и сама она будет выглядеть иначе, чем в случаях, когда повествование замкнуто в ней одной.

Вопрос о соотношении «*Кондзяку*» с традицией хэйанского двора можно поставить и по-другому. Как писал Акутагава Рю:носкэ в очерке «Оценка “Стародавних повестей”» (今昔物語鑑賞, «*Кондзяку*

моноготари кансё:», 1927 г.), «стиль этих авторов, рисующих с натуры, живо показывает нам душевную борьбу людей той поры. Конечно, и они, как мы, стонали от мук здешнего мира. “Повесть о Гэндзи” их страдания рисует в их самой изысканной красоте, “Великое зеркало” – в самой их старинной простоте. А “Стародавние повести” рисуют эти же их муки самыми грубыми чертами, едва ли не жестокими. Мы не можем не сопереживать печалам Блистательного Гэндзи, конечно, не можем не сочувствовать бедам господина Канэмита¹. Но вот, например, в “Стародавних повестях” рассказ “О том, как вышел из дому Ооэ-но Садамото, наместник Микава”² – что другое может вызвать у нас такую острую боль, когда перехватывает дыхание?» [Akutagawa 1927]. Здесь разница между традициями – не в предмете изображения, а в стиле и в способе рассмотрения любых предметов.

И в самом деле, если отбирать рассказы «*Кондзяку*» по месту действия, многие из тех, где действие происходит при дворе, на языке придворной словесности изложить вообще невозможно – даже со всеми поправками на то, что вообще в хэйанской классике грубости и жестокости куда больше, чем кажется при ретроспективном взгляде. Самые выразительные примеры здесь – даже не те, где во дворце орудует нечистая сила (такие истории у придворных писателей есть), а те, где

¹ Фудзивара-но Канэмита (925–977), канцлер при государе Энью. В «*Оокагами*» он описан как блестящий аристократ, но человек безжалостный (это подчеркнуто эпизодом, где гость выпускает фазана, который стал бы закуской к столу канцлера [Оокагами 2000, с. 109–110]); Канэмита без вины лишает своего брата, будущего Великого министра Канэизэ, всех должностей и рангов [Там же, с. 112]. Самому Канэмиту доводилось находиться под домашним арестом вместе с братьями, причиной тому была их сестра, государыня Анси, своим необузданным нравом не раз навлекаяшая на себя и родных гнев супруга, государя Мураками. В «*Кондзяку*» Канэмита появляется как герой рассказа 28–21 (здесь и далее при ссылах на «*Кондзяку*» первая цифра – номер свитка, вторая – номер рассказа): в юности он насмеялся над одним из придворных, прозвал его Вечнозеленым, Аоцунэ-но кими, за нездоровый цвет лица; государь Мураками велел Канэмиту извиниться, и он устроил при дворе пирушку в зеленых тонах (зеленая посуда, зеленые наряды свитских и т.д.).

² Рассказ 19–2. В нем Ооэ-но Садамото (962–1034) бросает жену и уезжает на службу в край Микава с возлюбленной; женщина умирает, и Садамото несколько дней не велит ее хоронить, не в силах смириться со случившимся. Затем описаны живодерские развлечения его подчиненных и то, какой болью на это отзывается наместник. Садамото возвращается в столицу, принимает монашество, однажды приходит за подаванием в дом бывшей жены и спокойно выслушивает ее укоры. Потом он решает уехать в Китай, в слезах прощается с сыном, в Китае над ним насмеются местные монахи, но он являет чудеса и в итоге добивается уважения и у императора, и у простых людей.

герои покидают государеву службу, мирскую или монашескую, ради более важных дел. В рамках придворной традиции такое представимо – но с условием, что герой потом вернется ко двору или встретится (в храме, в горах, в сельской глуши) с людьми из придворного круга, так или иначе поучаствует в их судьбе. А в «*Кондзяку*» возвращения может не быть, и как раз вне дворца и вне столицы с героем происходит самое интересное; в этих случаях «*Стародавние повести*» ближе к традиции отшельнической, буддийской и даосской. Но нам бы хотелось поставить вопрос: есть ли в «*Кондзяку*» рассказы, где повествование ведется на языке придворной традиции, где ее точка зрения преобладает? И если да, то чем это обусловлено: источником, откуда взят рассказ, или чем-то еще?

Мы уже обсуждали рассказы «*Кондзяку*» о государях Индии, Китая и Японии [Трубникова 2022] и о сановниках из рода Фудзивара в свитке 22-м [Коляда, Трубникова 2020]. В этой статье мы сосредоточимся на двух темах: пересечения между «*Кондзяку*» и текстами, которые можно отнести к придворной традиции, и рассказы о японских государях и высших сановниках.

«*Кондзяку*» и повести *ута-моногатари*

Говорить об источниках поучительных рассказов *сэцува* вообще сложно, потому что за редкими исключениями³ мы не находим в сборниках прямых отсылок к каким-либо сочинениям и можем только предполагать, что составители были знакомы с текстом, где впервые (как считается сейчас) появляется тот или иной эпизод. В «*Кондзяку*», например, всемогущий «канцлер Мидо», он же Фудзивара-но Митинага (966–1028) действует в нескольких рассказах: покровительствует храмам, устраивает обряды (12–9, 12–22, 28–17), назначает на должности мирян (24–30, 24–51) и монахов (31–23). Сам он и его сын Ёримити (992–1074) получают подарки (26–12, 26–16, 28–30), Ёримити также вершит благочестивые дела (12–21), разбирает распри между придворными (24–29). Люди из окружения Митинага и Ёримити действуют в десятках рассказов. По меньшей мере некоторые из событий, отраженных в этих историях, упоминаются в «*Оокагами*»,

³ Например, в сборнике «*Дайнихонкоку Хоккэ-гэнки*» 1140-х гг. есть ссылки на сборник «*Нихон рё:ики*» рубежа VIII–IX вв., а в сборнике «*Хонтё: синсэн-дэн*» рубежа XI–XII вв. – на различные источники, включая летописи, стихотворения на *камбун* и др.

в дневниках, относящихся ко временам Митинага или Ёримити, в других источниках XI в. – но откуда именно о них узнали составители «Кондзяку», выяснить невозможно.

Иное дело – рассказы, где цитируются стихи и сообщения о том, кто, когда и в связи с чем их сложил. Здесь с большей уверенностью можно говорить, что *сэцува* прямо или опосредованно восходит к поэтической антологии и/или «песенной повести», куда входит стихотворение. В этом смысле источниками «Кондзяку» служат «Исэ моногатари» и «Ямато моногатари». Заимствования из них сосредоточены в основном в двух свитках: 24-м, где главного героя «Исэ моногатари» повествователи отождествляют с поэтом Ариварано Нарихира (825–880) и ведут речь о его поэтическом мастерстве, и в 30-м, где из обеих повестей взяты истории несчастной любви.

Первый из рассказов о Нарихира (24–35) с небольшими сокращениями воспроизводит 8-й эпизод «Исэ моногатари»: начало путешествия поэта на восток страны, сложенные в дороге песни об ирисе-*какицубата*, о «столичной птице» *миякодори*, о горах Уцу-но яма и Фудзи. Но если в повести это лишь часть поездки героя, то в «Кондзяку» рассказ выглядит самостоятельным поэтическим описанием странствия, полного тоски по столице. Следующий рассказ (24–36) объединяет несколько эпизодов «Исэ моногатари»: 99-й⁴, где кавалер обменивается песнями с дамой, 82-й и 83-й, где говорится о дружбе героя с принцем и опять-таки идет обмен песнями, причем от имени принца отвечает другой поэт. Вероятно, три эпизода сведены в один рассказ, чтобы показать мастерство Нарихира в поэтическом диалоге, прямом или косвенном: в песнях более поздних (сложенных в пору, когда принц уже принял монашество) поэт отсылает к более ранним, из тех времен, когда они с принцем вместе ездили на охоту. Итог рассказа таков: «Этот средний военачальник Нарихира был сыном принца Або, сына государя Нара⁵, – человеком очень знатного рода. Но он отвернулся от мирского, очистил сердце (世を背て心を澄して) и, живя так, превосходно слагал песни *вака*».

Еще из «Исэ моногатари» взят один из самых страшных эпизодов (6-й), он пересказан в свитке 27-м, где речь идет о нечистой силе. На

⁴ По традиционной японской нумерации эпизодов «Исэ моногатари»; в переводе Н. И. Конрада номера эпизодов другие.

⁵ Дедом Нарихира был государь Хэйдзэй, он же Нара (прав. 806–809).

его примере можно показать, что повествователи «*Кондзяку*» меняют и добавляют.

«Исэ моногатари» 6 (перевод Н. И Конрада, [Исэ... 1979, с. 44–45])

В давние времена жил кавалер. Ему трудно было встречаться со своей дамой, но все же целый год он с ней поддерживал сношения, и вот, в конце концов, дама согласилась, и он, ее похитив, увел с собою под покровом полной темноты. И когда шли они по берегу реки Акутагава, про росинки, что лежали поверх травы, она у кавалера спросила: «Это что?»... Но путь далек был, ночь темна – чуть ли не место демонов то было, – и гром гремел ужасно, и дождь жестоко лил, отчего и кавалер, – к счастью, оказался здесь простой сарай – туда даму, вглубь самую втолкнув, сам у дверей при входе с луком и колчаном стал, все время помышляя: «Скорей бы ночь прошла!» И его даму те демоны одним глотком и проглотили. «Ах!» – воскликнула она, но в грохоте раскатов грома он не мог ее слышать. Понемногу ночь светлела. Смотрит он... и нет той дамы, что привел с собою... В отчаянии затопал ногами кавалер, заплакал, но... делать было нечего.

«То белый жемчуг,
или что?» – когда спросила
у меня она, –
сказать бы мне: «роса», и тут же
исчезнуть вместе с нею.

**«Кондзяку» 27–7. Рассказ о том, как подругу среднего
военачальника Аривара-но Нарихира сожрал демон**

В стародавние времена жил человек по имени Аривара-но Нарихира, средний военачальник Правой государевой стражи. Он был величайший на свете любострастник: едва услышит, что есть какая-нибудь красивая женщина, не важно, придворная дама или дочь в почтенном семействе, сразу думает: любой ценою увижусь с ней! И вот он прослышал, будто дочь одного человека и обликом, и обхождением такая красавица, каких свет не видывал. Нарихира истощил свой ум, измышляя всякие хитрости, но родители дочерью-красавицей очень дорожили, решили: зятя в невысоком чине не примем! И средний военачальник Нарихира – делать нечего! – не придумал ничего лучше как тайно выкрасть девицу.

Спрятать ее сразу было негде, он растерялся, а в северных окрестностях Ямасына была старая хижина в горах, заброшенная, никто там не жил, а при ней большая кладовая. Там даже двери были выломаны. И в полу не хватало досок, так что не всюду пройдешь. В этой кладовой, захватив с собою циновку, Нарихири и расположился с девушкой. Вдруг ударила молния, загремел гром, раздались голоса. Средний военачальник выхватил меч, а девицу спрятал в дальнем углу позади себя. Так он какое-то время стоял, а потом гроза утихла, шум смолк и настало утро.

А девушка не подает голоса. Средний военачальник встревожился, оглянулся – а там остались только голова ее да одежда! Средний военачальник удивился, испугался, сам толком не одевшись, убежал прочь.

Позже он узнал, что в той кладовой пропадают люди. Не было ни грома, ни молний: это всё демоны, что живут в кладовой.

Итак, не надо, не подумавши, заходить в незнакомые места! А уж оставаться там на ночь – даже и думать нечего! Так передают этот рассказ.

Здесь песня *вака* оказывается необязательной, прозаическая часть эпизода годится для переработки в рассказ *эцува* сама по себе. Добавляются поучительные замечания в начале и в конце, причем они не соответствуют друг другу: «любоострастие» (*ирокономи*) – нехорошо, но речь не о нем, а о том, как опасны заброшенные здания, где водятся демоны. Также в рассказе сокращаются одни подробности (разговор, нужный для понимания стихов) и вводятся другие, объясняющие, зачем девушку потребовалось похищать (противодействие родителей); история стихотворения превращается в историю о нечисти.

Из «*Ямато моногатари*» в «*Кондзяку*» взят рассказ о Ёсиминэно Мунэсада (816–890), придворном, который после смерти государя Ниммё бросил службу и принял постриг (19–1 = Я 168)⁶. Этим рассказом открывается свиток, посвященный уходу в монахи, и в «*Кондзяку*» больше внимания уделяется размышлениям самого Мунэсада (в том числе опасениям, что новый государь к нему не благоволит), а также его деятельности как монаха. А в «*Ямато моногатари*» основное место занимают поиски исчезнувшего Мунэсада, ведомые его близкими, и его встречи с прежними светскими знакомыми в пору, когда он уже стал монахом. Песни в обеих версиях этой истории есть, что

⁶ Мы обозначаем соответствия между рассказами так: для рассказов «*Кондзяку*» – номера из двух цифр; для «*Ямато моногатари*» (Я) – номер эпизода; ниже для «*Дзиккинсё*:» (Д) первая цифра – номер раздела, вторая – номер рассказа в нем.

неудивительно, коль скоро Мунэсада, как и Нарихира, причисляют к лучшим поэтам Японии, но из его наследия отображены разные *вака*. Заметим, что позже в «Дзиккинсё:», где тоже есть рассказ о Мунэсада (Д 6–8), он трактуется третьим способом: как пример преданного подданного, способного служить лишь одному господину. Также к «*Ямато моногатари*» восходит рассказ, на котором обрывается повествование о роде Фудзивара в свитке 22-м: история злодея Токихира (871–909), отбравшего жену у собственного дяди (22–8 = Я 124).

В свитке 30-м выдержки из «*Ямато моногатари*» идут почти подряд. Это рассказы о девушке, постригшейся в монахини из-за любви к знаменитому любовнику Тайра-но Садафуми (30–2 = Я 103 = Д 5–12)⁷; о любви монаха Дзёдзо (891–964) к девушке, которую он обрядами исцелил от недуга (30–3 = Я 105); о встрече расставшихся бедных супругов, когда жена, ставшая теперь женою заместника, узнает бывшего мужа в бедняке с вязанкой тростника (30–5 = Я 148)⁸, о женщине, бежавшей с возлюбленным в дальнюю глушь и совершившей самоубийство близ горы Асака (30–8 = Я 155 = Д 5–9); о том, как злая жена подговорила мужа бросить в горах его престарелую тетку, но он в итоге не сделал этого (30–9 = Я 156); о том, как песни *вака* помогли женам вернуть неверных мужей (30–10 = Я 157; 30–12 = Я 158 = Д 8–7). В этом ряду появляется и 62-й эпизод «*Исэ моногатари*» (рассказ 30–4) – о горестной судьбе столичной дамы, впавшей в бедность: она уговаривает мужа уйти и вступить в выгодный брак, затем сама уезжает в провинцию, поступает в услужение к местному чиновнику и в конце концов встречается с бывшим мужем, когда он посещает те места. По сравнению с «песенной повестью» в «*Кондзюку*» эта история изложена гораздо подробнее и герой ее с Аривару-но Нарихира не отождествляется. Что до заимствований из «*Ямато моногатари*», отметим, что многие из них входят также

⁷ В обоих сборниках есть и другая история о Садафуми, где, наоборот, дама не поддается его обаянию и одурачивает его (30–1 = Д 1–29), восходит этот рассказ к «*Хэйто: моногатари*», причем в «*Кондзюку*» подробно рассказано, как кавалер похищает из покоев дамы ящик, служивший в качестве ночного горшка (надеясь, что после этого любовь сменится отвращением); в «Дзиккинсё:» эти грубые подробности опущены, сказано лишь, что кавалер «выдумал нечто беспримерное».

⁸ В «*Ямато моногатари*» сюжет рассказа существенно иной: женщина сама разыскивает бывшего мужа. В «*Кондзюку*» стихи мужа и жены те же самые, что в «песенной повести» но даны в обратном порядке, так что муж отвечает на слова жены (а в исходной версии она отвечает ему).

и в «Дзиккинсё»: отрывки из «песенной повести», переложенные в «Кондзяку» в рассказы *сэцува* (в данном случае с сохранением песен в составе рассказа), продолжают бытовать в этом качестве и в дальнейшем.

«Кондзяку» и «Дзиккинсё»

Описывая связь между «Кондзяку» и традицией придворной словесности, можно двигаться и другим путем: проследить судьбу рассказов из «Кондзяку» в ее более поздних текстах. Мы рассмотрим параллели между «Кондзяку» и «Дзиккинсё» – сборником *сэцува*, где рассказы о хэйанской столичной жизни составляют большинство (207 из 282), ибо одна из целей составителя – приобщить к придворной традиции читателей, которые по рождению к ней не принадлежат (скорее всего, это молодежь из воинских родов, близких к камакурской ставке [Трубникова 2023]). По нашим подсчетам, два памятника имеют около тридцати общих рассказов (точная цифра зависит от того, какую меру совпадения считать достаточной).

Распределение их любопытно. Из индийской части «Кондзяку» в «Дзиккинсё» параллели имеют всего два рассказа. Один из них по сюжету совпадает с японским преданием (более всего известным по пьесе театра Но «Великое собрание», «Дайэ»: монах спасает демона, и тот ему показывает наваждение – Будду в окружении толпы слушателей, 4–8 = Д 1–8). Другой в «Кондзяку» имеет местом действия Индию, но в большинстве других источников – Китай (крестьянская дочь предпочла слушаться родителей, а не государя, государь был впечатлен и женился на ней, 3–16 = Д 5–13). Гораздо шире представлены рассказы «Кондзяку» о Китае: для одного только 10-го свитка, отведенного китайским мирянам, мы находим в «Дзиккинсё» пять отсылок, больше параллелей имеет только 24-й свиток с его историями о японских поэтах. О том, из каких источников взяты эти рассказы в «Кондзяку», ведутся споры; скорее всего, не напрямую из «Исторических записок» Сыма Цяня и других китайских текстов, а из более ранних японских изложений. Можно сказать, что японские версии китайских преданий составляют часть придворной традиции Японии: это те поучительные примеры, которые следует знать образованному человеку. К ним относятся истории о поэте Сыма Сян-жу и его подруге, пример трудной, но счастливой любви (10–26 = Д 5–14);

об императоре Сюань-цзуне и его наложнице Ян-гуифэй, пример любви гибельной (10–7 = Д 9–5)⁹; о Цзи-чжа, оставившем меч на могиле друга, пример верности (10–20 = Д 6–30), о том, как Конфуций загадывал загадки ученикам, пример остроумия (10–9 = Д 7–7), о яшме Бянь Хэ, пример тому, что таланты человека, пусть не сразу, но бывают оценены (10–29 = Д 10–72).

Буддийский раздел японской части «Кондзяку» в «Дзиккинсё:» представлен небольшим числом рассказов: всего шесть на десять свитков с 11-го по 20-й, причем три из них приходятся на свиток 19-й. Две истории помещаются в новый контекст и толкуются по-новому. В «Кондзяку» это рассказы о подвижниках, возродившихся в Чистой земле, а в «Дзиккинсё:» – о том, что дружба сильнее смерти (12–32 = Д 5–4 – о монахах начала XI в. Гэнсине и Кёдзо, 15–1 = Д 5–5 – о монахах VIII в. Тико и Райко). В обоих случаях друг, умерший первым, является оставшемуся в живых и сообщает о своем новом рождении¹⁰. К теме верности отнесен рассказ о Фудзивара-но Тосиюки (ум. 901): при дворе он славился как поэт, каллиграф и любострастный, между делом переписывал по заказам разных людей «Лотосовую сутру» без должного очищения, давал обеты и не исполнял их – и в итоге попал в ад, и только заботы друзей, довершивших начатую им работу над сутрой, вызволили его (14–29 = Д 6–27). В «Кондзяку» это пример воздаяния за небрежное обращение с сутрами, в «Дзиккинсё:» – пример нарушенной верности; здесь случай Тосиюки сопоставлен с историей двоих китайских каллиграфов, отца и сына (они буддистами не были, работали по приказу государя, и сын, вопреки завету отца сделавший надписи на свитках «Лотосовой сутры», спас тем самым отца от адских мук). Еще один пример резкой смены контекста – это история Минамото-но Тоору (822–895), министра, который после смерти является отрешившемуся государю

⁹ Две эти истории любви входят также в сборник «Кара моногатари» (там это эпизоды 5-й и 18-й) [Кара моногатари, 2021].

¹⁰ В контексте «Дзиккинсё:» эти случаи соответствуют той схеме, которую вычленил П. Шэлоу, говоря о «поэтике придворной дружбы» [Schalow 2007]. Вообще отношения между людьми в текстах придворной традиции мыслятся как подчиненные всеобщей иерархии, так что равенство невозможно; для дружбы место остается там, где иерархическое соподчинение неоднозначно. Такова в «Исэ моногатари» дружба героя с принцем, ушедшим в монахи. Иерархия внутри монашеской общины может строиться по-разному: на основе успехов на храмовой службе, или учености, или подвижнических заслуг; эта неоднозначность и создает условия для дружбы.

Уда-ин, когда тот посещает его усадьбу (27–2 = Д 5–1). В «Кондзяку» это рассказ о призраке вельможи, который при жизни был жесток и жаден, в «Дзиккинсё:» – пример нерасторжимой связи правителя и подданного. Позже в пьесе театра Но «Тоору» будет разработана версия, сводящая эти два толкования воедино.

Самая большая подборка рассказов из «Кондзяку», воспроизведенных в «Дзиккинсё:», – это истории о японских поэтах из свитка 24-го, вошедшие в «Дзиккинсё:» в основном в 10-й раздел, где собраны примеры различных человеческих талантов. В сборниках XIII в. «рассказы о чудесной силе песен», *катоку сэцува*, образуют поджанр в рамках жанра поучительных рассказов. В «Кондзяку», как нам представляется, этот поджанр выделить еще невозможно, но уже здесь мы находим истории, которые в дальнейшем станут хрестоматийными: о поэтессе Акадзомэ-эмон, которая песней *вака* вымолила у богов жизнь сына (24–51 = Д 10–15); об Ооэ-но Садамото, который прочел *вака* на обертке зеркала и принял наконец решение уйти в монахи (24–48 = Д 10–48); о Фудзивара-но Тамэтоки (отце Мурасаки Сикибу, написавшей «Повесть о Гэндзи»), который стихами *канси* добился назначения на должность (24–30 = Д 10–31); о пожилом провинциальном чиновнике, который песней смягчил сердце наместника и избежал грозившего ему наказания (24–55 = Д 10–39); о Фудзивара-но Нобунори, сыне Тамэтоки, который песней оправдался, когда нарушил правила чистоты в святилище Камо (24–57 = Д 10–37)¹¹.

Несколько историй из этого же ряда в «Дзиккинсё:» помещены в другие разделы: предсмертная песня государыни Тэйси, обращенная к супругу, взята как пример чуткости к чувствам любимого (24–41 = Д 1–11); песня Фудзивара-но Юкинари в память о государе Энъю-ин – как пример верности подданного правителю (24–40 = Д 6–9). Остроумная песня юного Ооэ-но Масахира, после которой над ним при дворе перестали насмехаться (24–52 = Д 3–2), и разъяснение старой служанки к китайским стихам, поразившее придворных стихотворцев (24–27 = Д 3–3), учат тому, что никого из людей не следует презирать. Два последних случая любопытны тем, что в них заменимы действующие лица: в «Дзиккинсё:» место Масахира занимает его потомок Масафуса, а роль знатока словесности,

¹¹ В обоих сборниках есть также рассказ о кончине Нобунори, где приведены его предсмертные строки (31–28 = Д 1–45).

в чьем доме даже служанки разбирались в стихах, отдана не Ооэ-но Асацуна, как в «Кондзяку», а Сугавара-но Фумитоки. Эти рассказы говорят об особой силе, присущей *вака* и *канси*, но вместе с тем и о месте поэзии в быту столичной знати, о том, что трудные этапы своей жизни человек этого круга непременно отмечает стихами или песней. В 24-м свитке «Кондзяку» есть и истории менее драматичные, где сочинение песен составляет часть обычных занятий кавалера или дамы. Самый длинный в «Кондзяку» рассказ о поэте, построенный как подобие личного сборника песен *вака* (24–38), посвящен Фудзивара-но Митинобу (972–994) – стихотворцу известному, но не самому знаменитому; в «Дзиккинсё:» Митинобу не упоминается вовсе.

Из сопоставления «Кондзяку» с текстами придворной традиции можно видеть: хотя бы отчасти эта традиция составителям знакома, и истории, связанные с ней, входят в традицию *сэцува* через «Кондзяку» (вполне вероятно, что и через другие собрания тоже, но и через «Стародавние повести» в том числе). При этом тема «пути придворного» здесь еще не выделяется как самостоятельная. В *сэцува* она будет разрабатываться и дальше, получит членение на разделы: «служба», «частная жизнь, дружба и любовь», «таланты», «чуткость» (важнейший навык служилого человека – умение распознавать прямо не высказанные чувства и намерения людей, будь то вышестоящие, товарищи по службе или подчиненные) и др. Для большинства подобных разделов уже в «Кондзяку» можно подобрать подходящие рассказы, что и делают составители более поздних сборников. Но в самом «Кондзяку» рассказы о придворных разнесены по другим рубрикам, где соседствуют с историями о монахах, воинах и простолюдинах. Наибольшее число высокопоставленных мирян действует в свитке 22-м, где речь идет о судьбе рода Фудзивара; в 12-м, где изложена история буддийских обрядов в Японии (их в «Кондзяку» учреждают государыни и сановники, тогда как государи чаще основывают храмы, причем тем и другим неизменно помогают монахи); в 19-м, где разбираются житейские причины для ухода в монахи (для этого нужно знать подробности жизни мирянина, а они, разумеется, для знатных людей известны лучше)¹²; в 24-м, где врачевание, гадание и другие

¹² В 19-м свитке говорится о том, как принять постриг решают уже взрослые люди, прожившие значимую часть жизни в миру; что же касается знаменитых японских монахов (в свитках 12-м, 13-м и др.), то они в большинстве своем поступают на обучение в храм еще детьми, и в их историях чаще упоминаются причины чудесные: вещие сны и пр.

искусства представлены в основном мастерами не самого высокого положения¹³, но музыка и поэзия – творчеством знатнейших особ (хотя и не только их); в 30-м, где собраны любовные истории. Таким образом, таланты, любовь и верования аристократа в «*Кондзяку*» показаны весьма выразительно; отметим, что и в основных памятниках хэйанской придворной традиции эти темы никак не менее важны, чем тема службы, а в более поздних текстах из хэйанской жизни – пожалуй, даже важнее. Но можно ли сказать, что служба как таковая, должностные обязанности и полномочия, политические интриги, то, что, собственно, делает придворного придворным, для рассказчиков «*Кондзяку*» неинтересны? Чтобы выяснить это, рассмотрим рассказы, где герои появляются с указанием их должностей при дворе.

Японские государыни и знатные дамы

Аристократки – не считая принявших постриг – появляются в «*Кондзяку*» в двух ролях: чьи-то жены и дочери или служилые дамы. Первых героинь намного больше: хотя у женщин во дворце была своя система должностей и дамы могли делать собственную карьеру (см., например: [Мурасаки 2010, с. 106–109]), в «*Кондзяку*» об этой стороне женского пути почти ничего не говорится. В целом о придворной традиции, какой она представлена в «*Стародавних повестях*», можно сказать, что ее взгляд – мужской.

Жены и дочери сановников выступают не только в качестве объекта любовного интереса героя-мужчины, но и сами творят (например, слагают песни *вака*), принимают решения, выбираются из сложных жизненных ситуаций и иногда открыто противостоят мужчинам: так, в рассказе 30–1 героиня умело избегает навязчивого кавалера, на каждую его хитрость отвечая своей и строго держась при этом в рамках предписанных для дамы правил поведения¹⁴. В рассказе 30–2 о том же любовном страстнике звучит мотив, хорошо знакомый читателям повестей *цукери моногатари*: дама ждет письма от кавалера наутро после

¹³ Есть и исключения: например, принц Кая (794–871), сын государя Камму, в рассказе 24–2 действует как изобретатель хитроумного механизма, а государь Дайго (884–930) в рассказе 24–6 – как мастер игры *го*.

¹⁴ Женщины менее высокого статуса ведут себя еще решительнее: в рассказе 28–1 изменщик-муж, дворцовый охранник, во время праздника в святилище пытается приударить за собственной женой, не узнавая ее, а она выставляет его на посмешище и выгоняет из дома (но потом прощает).

свидания, он не пишет, что с его стороны означает крайнее пренебрежение (хотя читатели знают, что он так ведет себя не нарочно, а по безалаберности), и дама в итоге постригается в монахини.

В рассказе 24–51 поэтесса Акадзомэ Эмон способствует тому, чтобы ее сын получил желаемую должность, – пишет стихотворное послание, причем отправляет его не мужчине, а даме, в свите которой состояла: это госпожа Такацукаса, она же Минамото-но Ринси, жена Фудзивара-но Митинага. В конечном счете Митинага видит песню Акадзомэ и оценивает по достоинству. Женщины могут решать проблемы сообща, своими силами, например, в рассказе 11–32: «...госпожа Такако¹⁵ собрала служилых дам, все ей откликнулись – и старшие, и средние, и младшие – и вместе они общими усилиями изготовили образ Каннон, Внимающего Звук: золотого, ростом в восемь *сяку* [около 2,4 м] с одиннадцатью лицами и четырьмя десятками рук».

Среди дам, чье положение в дворцовой иерархии в «*Кондзяку*» указано, высшее положение занимают, конечно, государыни. В индийской части сборника действует множество цариц и царевен, праведных и неправедных, начиная с Майи, матери Будды, его тетки Махапраджапати и его супруги Яшодхары. Здесь уделяется место не только главному конфликту буддийских текстов о женщинах – должна ли существовать женская монашеская община – но и темам, казалось бы, мирским: так, образец для последующих историй несчастной любви задают рассказы о Будде и Яшодхаре, чья связь неразрывна на протяжении многих перерождений и всякий раз приносит горе обоим. Самостоятельность женщины-мирянки в делах благочестия нимало не осуждается: в рассказе 3–25 царица нарушает запрет мужа и идет слушать наставления о Законе Будды, зная, что это будет стоить ей жизни; царь пытается убить ее, но случается чудо, и она остается невредимой. В китайской части собрания деятельных героинь несколько меньше, но они есть, почти все – либо почтительные дочери, либо преданные сторонницы буддийского учения, иногда – злые мачехи. И в обеих «заморских» частях «*Кондзяку*» структура государя двора предполагает сотни, а то и тысячи жен и наложниц.

Упоминания японских правящих государынь встречаются как маркер времени – в рассказах, восходящих к «Японским легендам о чудесах» («*Нихон рё:ики*», рубеж VIII–IX вв.). В этом смысле между

¹⁵ Миёси-но Такако, жена военачальника Саканоуэ-но Тамурамаро (758–811).

«правлящими» государынями и государями разницы нет: по указанию правительниц – Суйко, Гэммё, Кокэн – возводятся храмы, устраиваются обряды. Но похожая роль принадлежит и государыне-супруге Комё, жене государя Сёму. Еще в юности, до восшествия на престол, Суйко, чья вера крепче, чем у родичей-мужчин, спасает образы будд, не позволяя противникам буддизма уничтожить их. Государыня Дзито (20–41) показана как разумная правительница, способная прислушаться к мудрому советнику и изменить свои планы. О Кокэн сказано, что она «обладала дарованиями, преуспела больше всех на пути учености» (12–4), и обряд, учрежденный ею, сохраняется веками на благо всей страны.

Наиболее положительные примеры японских государынь относятся к тому же рубежу X–XI вв., что и примеры выдающихся служилых дам, и мудрых сановников: это век государя Итидзё, самая блестящая пора эпохи Хэйан. В рассказе 24–41 появляются две супруги этого правителя: Фудзивара-но Тэйси, умершая раньше мужа, и Фудзивара-но Сёси, пережившая его; обе слагают прекрасные стихи.

В отрицательном контексте царственные жены выступают тоже. В рассказе 11–6 благосклонность государыни Комё к монаху Гэмбо вызывает недовольство подданных и провоцирует мятеж; рассказчик при этом государыню не осуждает, неправыми остаются мятежники. В роли изменницы в японской части *«Кондзяку»* действует царица корейского государства Силла (16–19): она благочестива, но неверна супругу, и от гнева мужа ее спасает бодхисаттва Каннон. В рассказе 19–18 вдовствующая государыня Фудзивара-но Дзюнси, пожелавшая принять монашество, показана как женщина искренняя, но не слишком умная: она не всегда способна поступать сообразно обстоятельствам, то есть в какой-то мере лишена социального навыка «чуткости», *кокоробасэ*. И самый мрачный пример – история безумия государыни Сомэдоно, она же Фудзивара-но Мэйси (829–900): в рассказе 20–7 она одержима духами, ее красотой соблазняется монах, приглашенный провести обряд исцеления, и затем монах умирает, возрождается демоном-*тэнгу* и околдовывает ее. Она опозорена перед всем двором, и хотя ее вины в происходящем вроде бы и нет, мораль рассказа такова: женщинам нельзя сближаться с монахами.

Действующих героинь в статусе царевен и принцесс в японской части, в отличие от индийской, немного. В рассказе 17–46 бедная царевна молится богине Китидзё, чудом получает припасы для пира –

и тем самым спасается от позора перед родичами. Неназванная царская дочь сходится с мужчиной, который оказывается змеем, и умирает, тщетно пытаясь удержать его (31–34). В двух рассказах (19–17 и 24–57) появляется принцесса Сэнси, жрица-*сайин* в святилище Камо. Помимо служения богам она – настоящая ценительница прекрасного, ее «двор» на удивление блестящ, а в конце жизни принцесса-жрица принимает постриг, обратившись сердцем к Пути Будды.

Одна из служилых дам, чья должность при дворе в «*Кондзяку*» указана, – это служительница государевой опочивальни, *мясудокоро*, по прозвищу Исэ, знаменитая поэтесса: как сообщается в рассказе 24–31, она не уступала в поэтическом искусстве выдающимся стихотворцам Осикоти-но Мицунэ и Ки-но Цураюки. Госпожа Исэ представлена как образец утонченности, как сочинительница, способная сложить прекрасную песню *вака* без всякой подготовки. В своей песне Исэ-но мясудокоро делает отсылку к произведению китайского поэта Ван Вэя, а значит, она знакома не только с родной словесностью, но и с материковой. В рассказе 24–47 она одной песней урезонивает кавалера, стыдившегося связи с нею.

В поле зрения повествователей попадают не только взаимоотношения дам с их родителями, мужьями и детьми. В рассказе 24–42 описана сердечная дружба государевой наложницы *нё:го* и дамы из ее свиты. После смерти госпожи дама отправляет ее отцу, Главному министру Фудзивара-но Санэёри, трогательное стихотворение и ракушки – пожертвование на чтение сутр.

Истории о жизни придворных дам в «*Кондзяку*» местами резко контрастны друг другу – вероятно, именно потому, что сборник наследует разным литературным традициям и описывает людей в разных случаях по разным правилам. Где-то это предание о чуде (царевна и змей; царицы в индийской части с их несметным множеством детей), где-то – повествование историческое и биографическое, где-то – составленное по лекалам хэйанской изящной прозы, где-то – бесстыдное, характерное для более грубых жанров. В целом получается, что области интересов аристократок, помимо брака, – это поэзия, покровительство искусствам и буддизму.

Японские сановники в «Кондзяку»

Охватить все рассказы японской части «Кондзяку», где встречаются названия придворных должностей, в рамках одной статьи невозможно. Здесь фигурируют писцы, инспекторы, охранники внутренних покоев 内舍人, *утонэри*, следователи, архивариусы, командиры Правой илилевой государственной гвардии и их подчиненные. В разных свитках собрания нередко появляются одни и те же люди – рассказчик отмечает их должность сообразно тому моменту, к которому отнесено повествование. Сановники же (как и монахи) часто называются по высшей должности, какую они когда-нибудь занимали. Ниже мы ограничимся только регентами, канцлерами, министрами и мужами государственного совета.

Прежде всего надо сказать, что в этом отношении японская часть собрания не похожа ни на индийскую, где действуют «сановники», «министры» 大臣, *отодо*, или «вельможи», «богачи», «влиятельные люди» 長者, *тё:ся*, без дальнейших уточнений, – ни на китайскую, где задействуется большой набор терминов для должностей разных эпох. В том и в другом случае повествователи «Кондзяку» опять-таки следуют за источниками: за китайскими переводами (пересказами) индийских буддийских текстов, где древние царства Индии обрисованы лишь в общих чертах, и за записями китайских преданий о чудесах, где положение героя в системе государственного управления важно для оценки самого чуда (а наряду с земной бюрократией имеется также загробный суд со своим штатом чиновников). Поскольку источники японской части «Кондзяку» более разнородны, постольку и в рассказах мы видим больший разноречивый: где-то статус героя описан со всеми возможными подробностями, где-то достаточно сказать «один человек», а где-то для места рождения, прозвания, имени или времени жизни оставлены пропуски: «При государе [...] в уезде [...] края [...] жил человек, звался он [...]–но [...]–маро». Наиболее обстоятельны описания героев в рассказах об эпохе Нара – поскольку почти все они взяты из «Нихон рё:ики», где повествователь, как правило, характеризует героев предельно точно. По мере продвижения ко временам составления «Кондзяку», рубежу XI–XII вв., точность характеристик падает¹⁶.

¹⁶ Недавние времена для повествователя в «Кондзяку» – это середина XI в., пора канцлера Фудзивара-но Ёримити, изредка – еще более поздние годы. Отмечено это,

Упоминания придворных должностей в «*Кондзяку*» можно разделить на три типа: речь идет о должности как таковой, или в рассказе действует герой, занимающий эту должность, или же герой рассказа характеризуется через отношения с таким человеком (родственные, служебные и др.). Мы учитываем только те должности, которые названы в тексте собрания: если, например, Фудзивара-но Ёсифуса (804–872), первый регент из рода Фудзивара, появляется в рассказах как канцлер, то и мы относим его к канцлерам, но не к регентам.

Регент 摂政, сэссё:, среди действующих лиц «*Кондзяку*» всего один: это Фудзивара-но Корэтада (924–972). В рассказе 15–14 он – отец героев: братья умерли в один день при моровом поветрии, и один из них возродился в Чистой земле; затем этот же рано умерший поэт является после смерти и читает стихи (24–39); в рассказе 28–8 монахи вышучивают друг друга во время чтений сутр в усадьбе Корэтада. Еще в двух рассказах (22–2, 22–5) упомянуты сами должности «регентов и канцлеров», сэссё: *кампаку*, когда речь идет о могуществе семьи Фудзивара в целом: это потомки Фудзивара-но Фусасаки (681–737) и Фудзивара-но Нагара (802–856).

Канцлеров 関白, *кампаку*, действует шесть. Канцлер и Главный министр, *кампаку-дайджэ:дайджин*, Фудзивара-но Ёсифуса появляется как отец государыни Сомэдоно, пригласивший к ней монаха (20–7), а также как отец супруги государя Энью (19–18). Канцлер и Главный министр Фудзивара-но Мотоцунэ, преемник Ёсифуса, особо выделен среди потомков Нагара (22–5), являет собой пример процветания как отец обширного семейства (22–6), упомянут как отец злодея Токихира (22–8). Канцлер Фудзивара-но Тадахира (880–949), другой сын Мотоцунэ, фигурирует в рассказе 19–9 как отец героя, погубившего собственного сына. Канцлер Фудзивара-но Мититака (953–995) – супруг госпожи, для которой монах творит обряды в рассказе 13–16. И еще два канцлера – это Митинага и его сын Ёримити. В рассказах о храмах в свитке 12-м их благочестивые деяния кратко описаны, но не показаны. Канцлер и Главный министр Митинага подносит дары построенному им же храму Ходзёдзи в столице (12–22); Ёримити как канцлер и Левый министр, *кампаку-садайджин*, восстанавливает сгоревший храм Кофукудзи

в частности, глагольными формами прошедшего времени на -ки, а не на -кэри, в рассказах 27–21 и 27–27.

в Нара (12–21), а как канцлер и Министр двора, *кампаку-найдай-дзин*, посещает храм Ходзёдзи (12–22, 12–23). Жена Ёримити как супруга канцлера наблюдает чудо в храме Сэкидэра вместе с супругой Митинага, госпожой Такацукаса (12–24). На пиру у Ёримити поэт слагает стихи (24–33); его же «доверенный человек» 候し者, *сабураиси моно*, встречается с призраком (27–21).

Отметим еще одну роль канцлеров. В рассказе 23–14 Ёримити, названный не по должности, а по усадьбе – «господином Удзи», – подводит итог, именуя «необычным человеком» главного героя: здесь это главалевой дворцовой стражи Тайра-но Мунэцунэ, добившийся необычайной слаженности действий от своих подчиненных. Такая роль слушателя-резонера для Ёримити не удивительна: именно его приближенным был Минамото-но Такакуни (1004–1077), предполагаемый составитель «*Кондзяку*». Снова, уже как канцлер, Ёримити выступает в похожем качестве в рассказе 27–28. Государыня, сестра Ёримити, проводит весенние дни в отцовской усадьбе и слышит там среди цветущих деревьев таинственный голос: некто незримый читает стихи. Она посылает весть об этом брату-канцлеру и получает ответ: такое случается каждую весну. Правда, государыню это не успокаивает, и повествователь не берется решить, принадлежал голос призраку, демону или кому-то еще. Еще в двух рассказах события завершаются тем, что о них сообщают канцлеру, не названному по имени: о сыне, который после проигрыша на состязаниях позволил старику-отцу избить себя (19–26), и о юноше, который укрыл от дождя малознакомого человека, хотя на самом деле тот доводился ему отцом; вырос юноша в другой семье, о родстве своем с этим человеком ничего не знал (19–25).

Главных министров 太政大臣, *дайдзё:-дайдзин*, в собрании названо восемь, в их числе принц Нагая (684–729), который на самом деле этой должности не занимал. Рассказ о нем (20–27) заимствован из «*Нихон рё:ики*» (2–1): однажды принц ударил наглого послушника, а затем был ложно обвинен в заговоре, покончил с собой, и даже его останки приносили людям несчастья. Злоключения принца мыслятся как воздаяние за его дурной поступок; мораль рассказчик видит в том, что монахов обижать нельзя, пусть и дурных: мотив этот будет повторяться еще во многих текстах, например, в камакурских «Записях при свете светильника о конце Закона» («*Манпо: то:мё:ки*», см.: [Трубникова, Бабкова 2014, с. 440–455]).

Из хэйанских Главных министров в «*Кондзяку*» упомянуты первые четыре: Ёсифуса, Мотоцунэ, Тадахира, Санэёри (900–970), а затем – Ёритада (924–989), Митинага и Кинсуэ (957–1029); все они принадлежат к роду Фудзивара. Ёритада повествователь вспоминает лишь как отца вдовствующей государыни (19–18) и как отца поэта Кинто: (24–34). Санэёри показан как ценитель прекрасного и как любящий отец. Он дарит гостю одежды из шелка такого качества, что они не намокают в воде (24–4); призывает поэта Фудзивара-но Ацутада (906–943) сочинить песню о цветущих вишнях у себя в саду, а сам, не считая себя способным сложить достойный ответ, читает строки другого поэта (24–32). Скорбя об умершей дочери, он отзывается песней на подарок, полученный от ее свитской дамы в память о ней (24–42). Как ценитель поэзии в «*Кондзяку*» представлен также и Митинага; «чуткое сердце» – одно из качеств, которыми должен обладать высший сановник государства как пример для остальных аристократов. Кинсуэ приезжает поклониться волю, в образе которого явился будда Кашьяпа, но пытается проехать во двор храма в возке. Вол уходит, а министр понимает свою ошибку и раскаивается, после чего вол возвращается (12–24). В рассказе 12–35 Кинсуэ в молодости удостаивается другого чуда – его исцеляет читающий сутру отшельник.

Левых министров 左大臣, *садайзин*, упомянуто тринадцать, Правых 右大臣, *удайзин*, шесть, Министров двора 内大臣, *найдайзин*, четыре; встречаются и просто «министры» – как в индийской части (например, в рассказе 28–6, где имя сановника не называется, впрочем, министр в этой истории сам не действует, его лишь упоминает пожилой придворный как человека, который прилюдно упал с коня и потерял шапку; имя деликатно пропущено).

Из четырех Министров двора деятельных героев только двое: Каматари, основатель рода Фудзивара, поддержавший будущего государя в борьбе против Сога-но Ирука, и Такафудзи, получивший должность благодаря удачной карьере дочери; сам рассказ о нем – история его случайной связи с женщиной, которая стала его женой [Коляда, Трубникова 2020]. Среди Левых министров есть уже упоминавшийся призрак – Минамото-но Тоору. Государь изгоняет его, говоря: ты не знаешь «правил» 理, *котовари* (27–2). Рассказ перекликается с другой историей из этого же свитка: государственный советник Миёси-но Киёюки (847–918) переезжает в новый дом, там его пытаются напугать лисы-оборотни, а Киёюки не просто не боится, но и дает лисам

суровую отповедь, обвиняя их в том, что они не следуют «правилам», – и им остается только покориться и уйти (27–31). В рассказе 27–19 духа видит Правый министр Санэсукэ – рассказчик признает его из-за этого «необычным человеком» (как и государя Уда-ин в рассказе о Тоору). Способность видеть то, что недоступно человеческому глазу, в «Кондзяку» – свойство мудреца [Коляда 2023].

Министры, как и прочие сановники, могут быть мастерами различных искусств: Правый министр Минамото-но Макото показан как прекрасный музыкант (24–1), Фудзивара-но Санэёри в бытность его Левым министром – как ценитель поэзии (24–32), а Правый министр Фудзивара-но Утимаро – не только добросовестный чиновник, но и великолепный наездник (22–4). Однако и министры совершают ошибки, иногда с печальными последствиями: так, Фудзивара-но Моромаса в гневе из-за разбитой дорогой вещи выгнал сына из дому, а затем очень сожалел, когда мальчик заболел и умер (19–9).

Кроме Киёюки в «Кондзяку» упомянуты и другие государственные советники 参議, *санги*, или 宰相, *сайсё*:. Примечателен рассказ 20–42, где действует сразу двое таких советников: Фудзивара-но Ёсими (813–867) в молодости выручает Оно-но Такамура (802–853), а тот спустя годы возвращает к жизни умершего Ёсими. Оказывается, что Такамура совмещает службу при японском дворе с обязанностями чиновника загробного суда и может убедить судью прибавить человеку жизненный срок.

Лидирует по количеству упоминаний в «Кондзяку» должность старшего советника 大納言, *дайнагон*, – 20 человек, из них 18 названы по именам. Чего только с ними не случается: старшие советники строят столицу и храмы (11–32), убегают от демонов (14–42), принимают монашество (19–15), обретают судьбоносные случайные связи (22–7), терпят неудачу в семейной жизни (22–8), выбирают место для государевой усыпальницы, а после бегут от разгневанного божества (24–13), выступают экспертами в поэзии (24–29), сами слагают прекрасные стихи (24–33, 24–34, 24–40). Один призрак-*дайнагон* тоже есть: это Томо-но Ёсио (811–868), герой знаменитых свитков «*Бандайнагон экотоба*», который после смерти стал моровым богом, но к родной стране относится с состраданием (27–11).

Средних советников 中納言, *тю:нагон*, в «Кондзяку» намного меньше. Среди них – Кэнгё, который просит государя учредить обряд чтений «Всепобеждающей царственной сутры» (12–5); Фудзивара-но

Ямакагэ, который однажды выкупил и отпустил черепаху, а она в благодарность спасла его маленького сына, выброшенного за борт корабля; Ямакагэ тоже строит храм (19–29); Оомива-но Такэти Маро – добродетельный советник, заботившийся о народе; пожалуй, именно он – один из самых ярких в сборнике примеров идеального чиновника (20–41). В должности *тю:нагон* появляются знаток словесности Ки-но Хасэо (24–1, 24–25, 28–29), поэт Фудзивара-но Ацутада (24–32, 15–16, 15–31), находчивый Фудзивара-но Тадасукэ (28–22) и Фудзивара-но Асанари, эрудированный и музыкально одаренный человек, в быту не способный следовать рекомендациям лекаря (28–23). Младших советников *сё:нагон* 小納言 мы в «*Кондзяку*» не обнаружили вовсе.

Придворные показаны в собрании разными: мудрыми и не очень, сдержанными и влюбчивыми, усердными на службе или пренебрегающими ею (как Минамото-но Хиромаса, талантливый музыкант), обладающими сердцем подлым или честным, вкусом изящным или нет – в общем, людьми, далеко не обязательно совершенными, зато разносторонними по части интересов, способностей, желаний и недостатков. И в этом они похожи на воинов, простолюдинов и монахов: те тоже очень разные, и какая-нибудь черта, например, любовь к песням *вака*, вполне может объединять людей, очень далеких друг от друга в социальной иерархии. Но, на наш взгляд, это не значит, что героев «придворных» историй в «*Кондзяку*» можно заменить на монахов, разбойников или провинциальных чиновников без потери смысла рассказа. Ту черту, которая отличает именно рассказы об аристократах, мы бы назвали двойным умением: разбираться в людях (что первостепенно важно также и для воинов) и разбираться в самом себе (без чего невозможно пройти путь монаха). Воин может не вникать в собственные чувства; монах может избегать людей или относиться к ним всем одинаково милосердно; при дворе же требуется тонкое знание и себя, и других. И кому это удастся, тот держится и действует уместно, а уже из этой уместности следуют и карьерные, и личные успехи, и достижения на буддийском пути; ошибки аристократов – почти всегда прежде всего неуместные поступки, и уже во вторую очередь глупые, жестокие и т.д.

Рассказчики «*Кондзяку*» не похожи на старца Ёцуги из «*Оокагами*» и подобных ему повествователей из других текстов о хэйанском дворе: здесь придворная жизнь показана не изнутри, глазами

участника, а с некоторого расстояния. Это расстояние не настолько дальнее, чтобы читатель не различал, кто выше – канцлер или государственный советник и т.п., но, в отличие от *«Годансё:»*, для понимания рассказов не нужно досконально знать, кто кем кому приходится в столичном кругу, кто кому помог, а кому помешал делать карьеру, какие писанные и неписанные «правила» управляют дворцовой жизнью. Зато придворная жизнь Японии соизмеряется с индийской и китайской, и тем самым аристократическая традиция японской словесности продлевается вглубь, в прошлое. В *«Повести о Гэндзи»* в главе 25-й, «Светлячки», принц Гэндзи обсуждает с приемной дочерью Тамакадзура японские повести, противопоставляет их сутрам как чтение бесполезное, и сам же доказывает, что *моногатари* всё-таки весьма полезны. В *«Стародавних повестях»* те и другие книги – части одной большой традиции, где никакой частью нельзя пренебречь.

В приложении мы помещаем переводы нескольких рассказов *«Кондзяку»* из придворной жизни. Переводы выполнены по изданию [Коняку 1999–2002], научный редактор переводов – А. Н. Мещеряков.

Библиографический список

Исэ моногатари (1979). Пер., статья и примеч. Н. И. Конрада. Изд. подгот. В. С. Санович. – Москва: Наука.

Кара моногатари. Средневековые японские рассказы о Китае (2021) Пер. с яп. М. В. Торопыгиной, вступ. ст. и комм. Т. И. Виноградовой и М. В. Торопыгиной. – Санкт-Петербург: Гиперион.

Коляда М. С. (2023) Мудрость и мудрецы в «Собрании стародавних повестей». *Вопросы философии*. № 1. С. 161–173.

Коляда М. С., Трубникова Н. Н. (2020) Уроки истории в «Собрании стародавних повестей»: по рассказам из жизни семьи Фудзивара. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. № 1. С. 18–29.

Мурасаки Сикибу (2010). *Повесть о Гэндзи*. Пер. с яп., вступ. ст., приложение и коммент. Т. Л. Соколовой-Делюсиной. Т. 3: Приложение. – Санкт-Петербург: Гиперион, 2010.

О:окагами – Великое зеркало (2000) Пер. с древнеяп., исследование и коммент. Е. М. Дьяконовой. – Санкт-Петербург: Гиперион.

Трубникова Н. Н., Бабкова М. В. (2014). *Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XIII–XIV вв.* – Москва: Политическая энциклопедия.

Трубникова Н. Н. (2022). Путь государя в «Собрании стародавних повестей». *История и культура Японии 14*. Москва: ВШЭ. С. 223–235.

Трубникова Н. Н. (2023). «Сборник наставлений в десяти разделах»: практическая философия в средневековой Японии. – Москва: Дело.

Трубникова Н. Н., Бабкова М. В. (2018). «Собрание стародавних повестей» в оценках исследователей: основные вопросы и трудности. Ежегодник Японии. Т. 47. С. 162–202.

Ямато моногатари (1982). Пер. с яп., исслед. и коммент. Л. М. Ермаковой. – Москва: Наука, ГРВЛ.

References

Akutagawa, Ryūnosuke. (1927). *Konjaku monogatari kanshō* [Konjaku Monogatari Appreciation]. From *Nihon bungaku kōza* (pp. 29–34). Tokyo: Shinchōsha. Retrieved April, 15, 2023, from <http://yab.o.oo7.jp/kon.html> (In Japanese).

Ise monogatari (1979). Transl. by Konrad, N., Ed. by Sanovich, V. Moscow: Nauka. (In Russian).

Kara monogatari. Srednevekovye yaponskie rasskazy o Kitae [Kara Monogatari in Russian Translation]. (2021). Transl. by Toropygina, M., Comm. by Toropygina, M., Vinogradova, T. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).

Kolyada, M. S. & Trubnikova, N. N. (2020). *Uroki istorii v «Sobranii starodavnikh povestei»: po rasskazam iz zhizni sem'i Fudzivara* [Lessons of History in *Konjaku Monogatari-shu* (Based on the Fujiwara Clan Stories)]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 1, 18–29. (In Russian).

Kolyada, M. S. (2023). *Mudrost' i mudretsy v «Sobranii starodavnikh povestei»* [Wisdom and Sages in *Tales of Times Now Past*]. *Voprosy filosofii*, 1, 161–173. (In Russian).

Konjaku monogatari shū. (1999–2002). Mabuchi, K., Kunisaki, F., Inagaki, T. (Eds.). Tokyo: Shogakkan. (In Japanese).

Miyata, Hisashi (1978). *Jikkinshō-no Konjaku monogatari shū* [*Konjaku Monogatari-shū in Jikkinshō*]. *Kokubungaku kenkyū*, 14, 61–67. (In Japanese).

Murasaki Shikibu. (2010). *Povest' o Gendzi* [*Genji Monogatari*, Russian Translation]. Transl. by T. L. Sokolova-Delyuskina. Vol. 3: Annex. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).

O:okagami – Velikoe zertsalo [*Ōkagami*, Russian Translation]. (2000). Transl. by E. M. Dyakonova. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).

Schalow, P. (2007). *A Poetics of Courtly Male Friendship in Heian Japan*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Trubnikova, N. N. & Babkova, M. V. (2014). *Obnovlenie traditsii v yaponskoi religiozno-filosofskoi mysli XIII–XIV vv.* [Japanese Religious Philosophy in 13th – 14th Centuries: Renewing Traditions]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. (In Russian).

Trubnikova, N. N. & Babkova, M. V. (2018). “Sobraniye starodavnikh povestei” v otsenkakh issledovatelei: osnovnye voprosy i trudnosti [Scholarly Evaluation of *Konjaku Monogatari-shū*: Main Issues and Problems]. *Yearbook Japan*, 47, 162–202. (In Russian).

Trubnikova, N. N. (2022). Put’ gosudarya v «Sobranii starodavnikh povestei» [The Way of a Sovereign in *Konjaku Monogatari-shū*]. *Istoriya i kultura Yaponii*, 14, 223–235. (In Russian).

Trubnikova, N. N. (2023). «*Sbornik nastavlenii v desyati razdelakh*»: *prakticheskaya filosofiya v srednevekovoi Yaponii* [*Jikkinshō*: Pragmatic Philosophy in Medieval Japan]. Moscow: Delo. (In Russian).

Yamato monogatari. (1982). Transl. by L. M. Yermakova. Moscow: Nauka. (In Russian).

Приложение

24–26. Рассказ о том, как государь Мураками слагал стихи вместе с Сугавара-но Фумитоки

В стародавние времена государь Мураками, благоволивший к зна-токам словесности, велел им сочинять китайские стихи на тему «На заре камышевка поет во дворце»¹⁷.

Сам государь сложил:

露濃緩語園花底
月落高歌御柳陰

¹⁷ 鶯, угуису, певчая птица; в переводах японских стихов нередко заменяется «СОЛОВЬЕМ».

Едва слышно пение в час,
Когда упала роса на цветы,
Но громче звучит под луною
В тени государевых ив.

Государь призвал ученого по имени Сугавара-но Фумитоки¹⁸, чтобы тот прочел это стихотворение, а Фумитоки сложил и своё:

西楼月落花間曲
中殿灯残竹裏声

Когда заходит луна,
За западной башней скрываясь,
Звучит ее песня в цветах.
И в час, когда догорают
В палатах дворца фонари, –
Голос ее средь бамбука.

Государь, услышав это, молвил:

– Я думал, что мои стихи незаурядны, но строки, сложенные Фумитоки, прекрасны тоже.

Он подозвал Фумитоки поближе, усадил рядом и велел ему:

– Скажи не робей: если судить беспристрастно, есть ли недостатки в сложенных мною строках?

Фумитоки сказал:

– Сложенное государем прекрасно. Последние семь знаков превосходят мои.

Государь, услышав это, молвил:

– На самом деле не так. Ты мне льстишь. Скажи уже честно.

И призвал главу Архива¹⁹ по имени [?] и распорядился:

– Если Фумитоки не скажет честно, чьи стихи лучше, чьи хуже, с этих пор и впредь его слов мне не передавай.

Фумитоки, услышав это, оказался в большом затруднении. И сказал:

– На самом деле, государь, ваши стихи и мои равно хороши.

¹⁸ Сугавара-но Фумитоки (899–981), поэт и знаток словесности.

¹⁹ Куро:до докоро.

А государь ему:

– Тогда поклянись!

Фумитоки не мог дать лживую клятву.

– На самом деле мои стихи чуточку лучше, – сказал он и убежал. Восхищению государя не было предела.

В старину были государи, которые так любили словесность, – так передают этот рассказ.

24–33. Рассказ о том, как старший советник Кинто сложил песню для ширмы

В стародавние времена, при государе Итидзё-ин, когда государыня Дзётмон-ин²⁰ впервые прибыла ко двору, изготовили новую створчатую ширму и создали собрание поэтов, чтобы они написали песни *вака* на цветных листах бумаги для украшения ширмы. К створке с изображением дома среди глициний²¹, прекрасно расцветших в четвертом месяце, песню сложить поручили старшему советнику Кинто²². И вот наступил назначенный день, все принесли свои песни, а старший советник опаздывал, и господин канцлер²³ раз за разом посылал за ним, а старший советник Юкинари²⁴, бывший среди приглашенных поэтов, уже давно прибыл и то садился, то вставал, дожидаясь, когда можно будет записать [песню на ширме после Кинто]. Когда старший советник Кинто прибыл, все подумали в нетерпении: все поэты прочли неплохие песни, но у этого старшего советника песня наверняка не хуже! Когда он с опозданием явился к канцлеру, господин спросил, почему Кинто запоздал с песней, и старший советник ответил:

– Я не смог сложить ничего значительного. И лучше не преподносить никакой песни, чем преподнести плохую. А кроме того, более искусные поэты еще не прочли своих песен. Если запишут мою ничтожную песню раньше их стихов, я буду опозорен до конца своих дней.

²⁰ Дзё:то:мон-ин – Фудзивара-но Сё:си (988–1074), дочь Фудзивара-но Митинага, вошла во дворец в 999 г., став супругой государя Итидзё.

²¹ 藤, *фудзи*, – символ рода Фудзивара

²² Фудзивара-но Кинто: (966–1041) – поэт, музыкант, составитель «Сборника песен и стихов для пения» («*Вакан ро:эйсю:*», ок. 1013).

²³ Митинага, в 999 г. он Левый министр.

²⁴ Фудзивара-но Юкинари (972–1028), поэт и каллиграф.

Он очень хотел отказаться, но господин сказал:

– Можно обойтись и без других песен. Но если не будет твоей песни, ничего вообще нельзя будет написать на этой ширме.

Так господин всерьез упрекал Кинто, но старший советник продолжал отнекиваться:

– Что за напасть! Похоже, в этот раз никто не сложил достойных песен. Я возлагал надежды на Нагато²⁵, но и он сочинил какую-то ерунду про глаза фазана. А раз уж никто не смог сложить ничего подходящего, то только естественно, что и у меня не получилось, так что прошу не неволить меня.

Но господин продолжал неумолимо настаивать, и старший советник, досадуя и стеля, сетуя, что будет опозорен до конца своих дней, вынул из-за пазухи песню, написанную на бумаге из Митиноку, и преподнес господину. Тот принял, положил перед собою, и несколько сановников и придворных, начиная с сыновей канцлера – Левого министра господина Удзи и министра господина Нидзё²⁶, – в нетерпении думали: этот старший советник точно отказывался читать без всяких на то причин! Они толпились и шумели, ожидая, когда господин развернёт лист, смотрели, не отводя глаз, будто на приказ с назначениями на должности. И господин, возвысив голос, прочитал:

*Мурасаки-но
Кумо тодзо миюру
Фудзи-но хана
Иканару ядо-но
Сируси нарураму*

Лиловым
Облакам подобны
Цветы глициний.
Для дома этого каким
Цветут благим предвестьем?

Все люди, слышавшие это, прижимали от восхищения руки к груди и хвалили: невероятно! Старший советник, видя, что все восхищаются его песней, сказал господину:

– Теперь у меня отлегло от сердца.

²⁵ Фудзивара-но Нагато (949–1009), поэт, по преданию, умер от огорчения после того, как Кинто несправедливо раскритиковал одно из его стихотворений (Д 4–17).

²⁶ Двое сыновей Митинага, братья государыни, в 999 г. еще дети: будущий господин Удзи, он же Фудзивара-но Ёримити, и будущий старший господин Нидзё: он же Фудзивара-но Норимити (996–1075); в дальнейшем им предстоит занять высшие должности при дворе.

Этот старший советник преуспел во многом, но сам считал, что наибольший талант имеет в сложении песен *вака*, – так передают этот рассказ.

28–4. Рассказ о том как [?]²⁷ наместник края Овари повел себя на празднике Пяти танцев

В стародавние времена, при государе [?], жил человек по имени [?]-но [?]. Много лет он провел на должности наместника, нового назначения все не получал, и вот, его все-таки назначили наместником Овари. Он обрадовался, срочно выехал во вверенный ему край – а там все дела в расстройстве, поля совсем не возделаны. Этот наместник всегда сердцем был прям, человек был разумный, на прежнем месте службы руководил хорошо, и в Овари, как только прибыл, устроил дела как следует. Край, хоть и бедный, стал процветать, народ из соседних краев тучами потянулся туда, на холмах ли, на горах ли стали возделывать новые поля, и за два года Овари стал богатым краем.

Обо всём этом доложили государю, тот молвил: у прежнего правителя край Овари захирел, как слышно, был худшим в поднебесной, а за последние два года при новом наместнике прекрасно богатеет! И знатные, и простые люди восхваляли Овари: прекрасный край! А на третий год подошла пора праздника Пяти танцев, *госэти*. В Овари не было недостатка в шелковых тканях, нитках, хлопке и прочих товарах. И уж конечно, наместник и раньше посылал праздничные дары в столицу, а тут доставил разноцветных тканей, и с набивным, и с узелковым узором²⁸, весьма приятных глазу. В отведенном ему уголке в северо-западной части палат Извечного покоя цвета занавесов,

²⁷ Праздник Пяти танцев 五節, *госэти*, входил в череду осенних обрядов благодарения за урожай. В этот праздник ко двору впервые представляли юных девушек, они должны были исполнять особые танцы; по преданию, танцы эти воспроизводят пляску небесных дев, явившихся в давние времена государю Тэмму. Праздник *госэти* при дворе был самым веселым в году, его описания есть в «Записках у изголовья» и «Повести о Гэндзи». Каждой из девушек с ее сопровождающими отводили особые помещения в палатах Извечного покоя, Дзё:нэйдэн. В одном из таких помещений и около него происходит действие рассказа. На празднике принято было вести себя крайне вольно и петь старинные песни, в том числе такие, смысл которых в эпоху Хэйан был уже непонятен.

²⁸ Ткани «с набивным и узелковым узором», *утимэ-харимэ*, – окрашенные двумя способами: с помощью штампа и путем прошивки иглой (когда ткань перед окраской стягивают в узелки, чтобы она прокрасилась неравномерно, а потом узелки распускают).

полотнища ширм, наряды дам, что мелькали за ними, все подобраны были замечательно. Никто из видевших не счел бы, что оттенки дурно сочетаются. А потому все хвалили наместника: прекрасно подготовился! Танцовщицы его были даже лучше прочих *госэти*, молодые придворные и архивные чиновники постоянно толпились возле его покоев, высматривали – а в покоях за ширмами сидели и сам наместник, и дети его, и прочая родня.

А надо сказать, наместник, хоть и не был низкого рода, почему-то, как и отец его, в свое время в Архиве не служил, при дворе не состоял, и как что делается во дворце, не знал даже по рассказам, а своими глазами и подавно не видал. Потому и дети его ничего не знали. Теперь они разглядывают дворцовые палаты, убранство, китайские наряды свитских дам разных высоких особ, их летучие рукава. Как одеты придворные и архивные чиновники, какие у них узорные шаровары, какие кафтаны, как они прохаживаются – люди наместника, не сводя глаз, наблюдают из покоев, толпясь возле самых занавесов. А чуть только увидят, как придворные подходят ближе, – убегают, прячутся за ширмами. Кто бежит впереди, тому задние наступают на штаны²⁹, передний падает, задние спотыкаются и тоже летят кувирком.

Кто шапку потеряет, кто мечется: эй, там, впереди, скорее, спрячьте меня! Ну вот, убежали, им бы сесть там и притаиться – но едва снаружи кто пройдет, они опять толпятся, выглядывают... Что творится за занавесом – полная неразбериха! А молодежь, придворные и архивные, глядят и смеются.

Эти молодые чиновники [ночью] в караульне говорили меж собою: – Покои наместника Овари убраны прекрасно, танцовщицы у него лучше всех в этом году, но вот родичи этого наместника – о дворцовых правилах слухом не слыхали, ничего не видели, а потому толпятся, глазают на каждый пустяк и восторгаются. А нас боятся, когда мы близко подходим, бегут прятаться – до чего смешно! Давайте их в шутку напугаем, пусть переполошатся еще больше! Что бы нам устроить?

Один придворный говорит: [?]. Другой: прекрасная мысль! Только что же мы скажем? – спрашивает.

²⁹ Речь идет об очень длинных и широких штанах, какие полагались к парадному одеянию.

– Я пойду к их покоям, встану с серьезным видом и скажу: над вашими праздничным покоями придворные страшно потешаются! Вам следует знать: чтобы посмеяться над вами, придворные задумали шутку, а именно: такие-то и такие-то чиновники, чтобы напугать вас, все распустият пояса, скинут кафтаны с плеч, встанут в ряд перед вашими покоями и запоют песню, они ее нарочно сочинили. А песня вот такая:

<i>Биндатара ва</i>	Плешивый
<i>А юкасэба косо</i>	Затесался к нам,
<i>Окасэба косо</i>	Таскается за нами,
<i>Аигё: цукитарэ</i>	Видно, влюбился!

Этот плешивый – сам господин наместник, у него волосы сильно поредели, потому и плешивый. В отведенном ему уголке он сидит среди юных девиц, потому так и поется. Наместник присматривает за ними, потому и поется: таскается за ними, влюбился!

– Я скажу: вы мне, похоже, не верите, но завтра в час Овцы или Обезьяны все придворные и архивные чиновники разденутся по пояс, все, сколько их есть, и взрослые, и молодые явятся сюда с этой песней, тогда-то вы и убедитесь, что я говорил правду! Вот что я собираюсь им сказать.

Остальные придворные говорят: и верно! Иди и будь красноречив, убеди их! Так сговорились и разошлись.

Тот придворный, кто это предложил, еще до рассвета, в час Тигра, пошел к покоям наместника Овари, встретил его молодого сына, дружелюбно заговорил и рассказал всю выдумку в подробностях. Тот слушал с весьма напуганным видом. А придворный договорил и прибавил напоследок: нехорошо! Нас, чего доброго, увидят вместе. Я сейчас потихоньку уйду, а ты другим не выдавай, что услышал это все от меня! И удалился.

Сын наместника пошел к отцу, говорит: приходил младший военачальник из недавно назначенных, сказал вот что... Наместник, пока слушал, только кивал да головою качал: так, так... А потом говорит:

– Сегодня ночью я слышал, как чиновники пели эту песню. Еще удивился: что это они поют? А они, значит, пели про меня, старика! В чем же я провинился, что обо мне сочинили такую песню? Край Овари прежние правители разорили подчистую, государь поручил его мне, я задумался: как же быть? Приложил все усилия, превратил те

места в богатый край. Это плохо?! И еще этот праздник Пяти танцев: разве я сюда приехал по своей воле? Явился по государеву велению, хоть мне тут и тяжело. И насчет лысины: кабы я облысел смолоду или во цвете лет, было бы, наверно, над чем потешаться. Но облысеть в семьдесят – что же тут смешного?! А они поют: плешивый! Если за что-то держат зло на меня, могли бы убить, затоптать ногами. А они в государевом дворце, развязав пояса, раздевшись, поют дурацкую песню! Нельзя же так! Должно быть, этот младший военачальник, раз мы тут сидим, затворившись в своем углу, решил нас напугать и пошутить. Нынешняя молодежь, не подумав, говорит глупости. Точно так же они, наверно, и других пугают! Я хорошо разбираюсь и в китайских книгах, и в наших, а эти молодые невежды пугают людей, говорят, что попало! Над другими пусть шутят, но над собой я шутить не позволю! Если еще будут так пугать, если в самом деле в государевом дворце развяжут пояса, разденутся, как сумасшедшие, уж я позабочусь, чтобы этих господ сурово наказали! Как обидно!

Так он сказал, подобрал полы и сел, стал обмахиваться веером.

Он осерчал, а люди его вспомнили: прошлой ночью в проходе с восточной стороны те господа прохаживались с наглым видом. Так вот оно что! Настал час Овцы [с часа до трех пополудни], наместник и его люди в тревоге думают: что же будет? А потом стемнело, и со стороны южных палат раздались голоса: поют и шумят. В покоях наместника думают: ну, вот, явились! Все собрались, примолкли, качают головами, а с юго-востока к их покоям, кажется, идут! Глядь – ни один не одет, как обычно. У всех одежда спущена до бедер, подходят рядами, изблизи заглядывают внутрь. На краю циновки перед покоями наместника одни уселись, разувшись, другие разлеглись, третьи сели, свесив ноги, четвертые заглядывают за занавес, подойдя вплотную, пятые стоят во дворе.

И вот, все хором запели ту песню про плешивого. Кто знал, что наместника хотят напугать, пятеро или шестеро молодых придворных, смотрят и смеются: как там за занавесом, испугались, растерялись? А придворные постарше, кому ничего не объяснили, думают: очень странно. Отчего в этих праздничных покоях все такие перепуганные?

А наместник говорит: значит, в самом деле! Все, что он говорил о себе, было правдой, – а вот же, придворные и архивные, все в непотребном виде поют ту песню! Наместник думает: итак, младший

военачальник, хоть и молод, к людям добр и сказал правду. А если бы не предупредил, я не знал бы, что песня про меня, сидел бы, как дурак! Какой он милосердный человек! Пусть же процветает тысячу лет, десять тысяч лет! Так он молился, заломив руки, а те господа – ни одного в здравом уме, все распустились, точно пьяные, – заглядывают за занавес, наместник думает: сейчас вытащат меня, старика, и поколотят! Спрятался за ширмами, между переборок, сидит и дрожит. Дети его и домочадцы все убежали и попрятались, притихли. А придворные вернулись во дворец.

Потом наместник велел выглянуть: те господа все еще здесь? Никого нет! – доложили ему. Только тогда наместник с опаской выглянул, нетвердым голосом говорит:

– Что же вы смеетесь над стариком? В государевом дворце так неучтиво себя ведете – нехорошо! Вы, господа, непременно за это поплатитесь! Смотрите хорошенько, вы! С самого века богов, когда явились небо и земля, воссияли солнце и луна, такого не бывало! Если заглянуть в летописи нашей страны – и там такого не записано! Что за времена настали!

Так он говорил, глядя в небо, а из соседних праздничных покоев люди на него глядели, думали: смешно! Потом пошли и рассказали господину канцлеру, в Архив, рассказ дошел до всех знатных особ, до принцев, и все смеялись без конца. В ту пору едва собирались люди вдвоем, втроем – пересказывали этот случай и смеялись. Так передают этот рассказ.

28–35. Рассказ о том, как придворные устроили состязание редкостей на ристалище Правой ближней стражи

В стародавние времена, при государе Гоитидзё-ин³⁰, придворные и архивные чиновники все до единого разошлись на две стороны и устроили состязание редкостей³¹. Назначили глав обеих сторон,

³⁰ Государь Гоитидзё: (1008–1036) правил в 1016–1036 гг.

³¹ «Состязание редкостей» 種合, *кусаавасэ*, в строгом смысле слова – выставка растений; здесь, вероятно, – выставка любых примечательных вещей. Участники делятся на две команды и состязаются, чьи экспонаты лучше. Ристалище Правой ближней стражи 右近の馬場, *Укон-но баба*, к северу от столицы, служило местом воинских упражнений стражи и всевозможных состязаний.

стали составлять списки. Левую сторону возглавил главный инспектор Фудзивара-но Сигэтада³², а Правую – средний военачальник Минамото-но Акимото-но Асон³³. Когда списки составили, каждая сторона всячески стала стараться победить. Назначили день, в Китано на ристалище Правой ближней стражи условились о правилах состязания.

И вот, люди каждой из сторон по всему свету принялись искать редкости: в святилищах, молельнях, храмах, в каждом из краев, в столице и в сельской глуши. Истощали ум, надрывали нутро, хлопотали, как никогда. И не только придворные и архивные: всех вплоть до слуг при архиве, посыльных и младших охранников приписали к спискам, и каждый с супостатами держался, как с заклятыми врагами. Как внесут человека в список – так он с противной стороной больше и слова не молвит! Что и говорить о придворных и архивных! Старшие и младшие братья, давние друзья – если уж оказались на разных сторонах, думали только о том, как бы посрамить соперников.

И вот, настал назначенный день. Все прибыли на ристалище Правой ближней стражи к министерским сиденьям. Придворные в роскошных нарядах друг за другом проехали в возках, каждый от места сбора своих сторонников. А места эти распределили заранее, для двух сторон отдельно. Как выглядели те, кто направлялся к министерским сиденьям, – словами не передать! А перед сиденьями к востоку от края площадки со всех сторон обозначили границы: подняли высокие парчовые занавеси. И такой же парчой окружили помост, а на нем расставили все редкости, собранные для состязания.

Посыльные и младшие охранники за занавесями встали на страже. Придворные уселись на министерских сиденьях: Левые с юга, Правые с севера. Слуги Архива и охранники из отряда Такигути, нарядно одетые, тоже все разделились, сели во дворе слева и справа. А к западу от края площадки устроили места для танцоров, их тоже со всех сторон окружили занавесями. Там расставили музыкальные инструменты, усадили музыкантов и танцоров. А вокруг собралась толпа зрителей: знатные, средние и простые люди со всей столицы. Возки дам стояли так тесно, что не проехать. В одном из таких возков,

³² Фудзивара-но Сигэтада (984–1051), главным инспектором 頭の弁, то:-но бэн, был во второй половине 1020-х гг.

³³ Минамото-но Акимото (1000–1047) считался одним из самых преданных людей государя Гоитидзё (Д 6–11).

к востоку от площадки, лицом к Левым, расположился господин канцлер и тайно наблюдал за состязаниями.

И вот, настал урочный час, на площадке перед министерскими сиденьями по порядку стали рассаживаться противники: искусные в красноречии, все они умели пошутить, каждый сел на свое место лицом к сопернику. Снасти для подсчета очков, изящные и самые ценные, украшены были золотом и серебром. Счетчики сели на места и состязание началось: противники, истощая слова, стали спорить друг с другом, и было их множество.

На середине состязания со стороны Левых на ристалище выехал телохранитель из Ближней стражи Симоцукэ-но Кинтада³⁴, в ту пору один из лучших государевых свитских. Левые выставили на состязание его наряд для верховой езды, ехал он с юга, одет великолепно, конь отличный, седло богато отделано. Воистину, глядеть на него – одно удовольствие!

Он по кругу объехал площадку, переложил плетъ из руки в руку, остановился – и тут выехал всадник Правой стороны. Люди глядят – а это старый монах странного вида, на голове [?] шапка, уголки ее свисают, как собачьи уши. Одели его Правые в какое-то ветхое рубище, у пояса вместо меча сушеный лосось, кафтан сползает с одного плеча, штаны едва не сваливаются, под шапкой повязка, как у лицедея. А едет он на корове, заседланной простецким седлом. Кинтада при виде его в великом гневе кричит:

– Напрасно я послушался этих господ, выехал состязаться – и вижу такой позор!

И поехал прочь с ристалища.

Правые видят, что Кинтада разозлился, хлопают в ладоши и хохочут без конца. Похоже на то, как провожают побежденного на борцовских схватках. Смеются, со стороны Правых звучат нестройные вопли, играет музыка для танца «На согнутых ногах» и кто-то [в маске] под нее пляшет. Состязания танцоров были намечены в свой черед, у Левых был заготовлен танец «Государь Лин-ван»³⁵, но еще не закончились остальные состязания, а тут вышел кто-то плясать «На согнутых ногах»! Левые меж собою говорят: что ж это творится!

³⁴ Симоцукэ-но Кинтада (XI в.) был превосходным наездником и верным человеком канцлера Фудзивара-но Еримити.

³⁵ «На согнутых ногах» 落蹲, *Ракусон*, и «Государь Лин-Ван» 陵王, *Ре:о:*, – придворные танцы, для первого из них танцор надевает устрашающего вида черную маску.

Господин канцлер тайно наблюдал из дамского возка, и когда вышел танцор в маске, подумал: странно! И сразу подозвал слуг и громким голосом приказал: этого танцора сейчас же схватить! И танцор пустился наутек.

Он убежал, не переодевшись, вскочил на лошадь, поскакал вниз по Западной улице Оомия. Звали того танцора Оо-но Ёсимоти³⁶. Он думает: если сниму маску, люди меня узнают! А потому прямо в маске в час Обезьяны [с 3 до 5 часов пополудни] ехал по городу, люди на улице ахали: глядите-ка! Демон среди дня скачет верхом! Дети пугались, глядя на него, думали: настоящий демон! А некоторые даже заболели.

Итак, господин канцлер решил: пока не назван победитель, пляску Ракусон надо прекратить! – и распорядился: схватить его! На самом деле он это сказал не затем, чтобы плясуна схватили, а чтобы тот услышал его голос и сбежал.

После этого Ёсимоти, пристыженный, долго не являлся на службу. И всей Правой стороне начиная с главы, среднего военачальника, было неловко. А потому Правые даже роптали на господина канцлера: он болел за Левых! А в свете сомневались: не в том ли дело, что Кинтада – воин из свиты канцлера?

Так неладно всё обернулось, обе стороны расстроились, и на том состязания прекратили. А люди смеялись над танцором – как он ускакал прямо в маске!

Итак, на подобных состязаниях издревле непременно что-то случается! – так передают этот рассказ.

³⁶ Оо-но Ёсимоти (ум. 1015), видимо, упомянут в рассказе по ошибке, так как умер ещё при предыдущем правлении.